

ПРАСЛАВЯНСКИЕ ДИАЛЕКТИЗМЫ, ГАПАКСЫ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ И ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ЛЕКСИКИ РЕКОНСТРУИРУЕМОГО ПРАСЛАВЯНСКОГО

Признание современной славистикой диалектного членения праславянского языка (хотя бы и с отнесением диалектного состояния разными исследователями к различным периодам истории праславянского) неизбежно предполагает диалектные различия в отдельных характеристиках праславянских диалектов, в том числе различий в лексике. Лексические различия могут выражаться противопоставлениями лексем как дихотомическими, так и с большим количеством членов противопоставления, с различным территориальным охватом каждого из соотносимых диалектизмов [Popowska-Taborska 1993: 100–105; Вендина 2014: 306–338]. Соответственно перед опытами реконструкции праславянского лексического состава особенно актуально и остро стоят сложные вопросы относительно происхождения лексем, ограниченно представленных в славянских языках, и их квалификации как праславянских диалектизмов [Popowska-Taborska 1993: 106]. Представляется очевидным, что принцип допустимости количественно ограниченной фиксации означает внимание также и к гапаксам отдельных славянских языков.

Работа по реконструкции праславянского лексического состава (которая является одной из задач «Этимологического словаря славянских языков», имеющего подзаголовок «Праславянский лексический фонд» — далее ЭССЯ) привела к включению в него ряда праславянских диалектизмов, обоснованием реконструкции которых стали территориально ограниченные лексемы отдельных славянских языков. Аргументацией этих оценок являются структурные и семантические характеристики лексем. Особые трудности представляют именно гапаксы отдельных славянских языков. Традиционно возникают вопро-

---

Жанна Жановна Варбот,

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

Статья написана в рамках проекта «Лексика славянских языков в диахроническом аспекте: генетический, ареальный и типологический подходы», поддержанного грантом РГНФ №15-04-00072.

сы об их реальности как лексем. Однако при отсутствии убедительных обоснований подобных сомнений, существенным стимулом для рассмотрения гапаксов в качестве реликтов праславянских диалектизмов представляются возможности их включения в группу родственных праславянских образований. Несомненным аргументом в пользу внимания к гапаксам является и вероятность их обнаружения в ранее не охваченных исследователями источниках (и, следовательно, их исключения из категории гапаксов). Ниже излагаются два опыта этимологии гапаксов, отраженные в последних выпусках ЭССЯ.

Первый сюжет касается производных от праслав. **(v)ęz(a)ti*. Рефлексами и.-е. корня **anġh-* ‘узкий; стягивать, связывать’ (греч. *ἄγχι*, лат. *angō*) в праславянском языке признаются не только закономерные по огласовке корня **qza, qziti*, но также и **vęzti/*vęzati* [Pokorny I: 42]. Две структурные характеристики этого последнего глагола всегда считались требующими объяснения: корневой вокализм и начальное *v*. Корневое *ę* толковалось как вторичное славянское новообразование [Vaillant. Gr. compar. III: 248] или результат контаминаций [см. литературу: Фасмер III: 374], но недавно предложено объяснение на праиндоевропейском уровне — как рефлекс праиндоевропейской ступени редукции **H₂mġh-* [Фурлан 2015]. Начальное *v* наиболее уверенно толкуется как средство предотвращения зияния в синтагмах [Pokorny I: 42], в последнее время — с уточнением вероятной структуры синтагмы: **nu H₂mġh-énti* ‘и (они) вяжут’ [Фурлан 2015].

При этом исследователи редко обращали внимание на отсутствие фиксаций славянского глагола с закономерной для корня с начальным *ę* протезой *j* — **jęz-* (ср. структурно аналогичное **językь*). В доказательности русск. диал. *язать* ‘обещать’ и *язаться* ‘обязаться’ усомнился Фасмер, поскольку здесь можно предполагать декомпозицию формы *об-язать* [Фасмер IV: 549]. Но позднее был обнаружен достаточно убедительный случай — русск. диал. донск. *суязно* ‘дружно’ (*суязно живут*) как продолжение праслав. **sq-jęz-* [Варбот 1991: 169–170], по мотивационной модели тождественное праслав. **sъ(j/w)qzъ*, однако *суязно* было гапаксом, что могло стать поводом для сомнений в реальности формы. Однако при работе над 40-м выпуском ЭССЯ был обнаружен еще один гапакс с той же структурой корня **jęz-* — не замеченное ранее русск. диал. костр. *пáязь* ж. р. ‘чиненное, зашитое или заштопанное место в одежде’ [Даль² III:27; СРНГ 25:309]. Предположение Даля о производности этого слова от *паять* маловероятно, поскольку последний глагол обозначает только соединение металлов, а суф. *-язь* неизвестен. Семантически генетическая связь *пáязь* ‘чиненное, зашитое или заштопанное место в одежде’ с гнездом **vęz(a)ti* очевидна. Таким образом, два однокоренных и структурно близких гапакса взаимно поддерживают их реальность как лексем. При этом

существенна вероятность древности их структур. Для **paǰezь* это не только вариант корня с огласовкой *ǰ* и протетическим *j*, но также и префикс *pa-*, что означает вероятность производности имени от глагола ***poǰez(a)ti* по древней модели — с участием удлинения гласного префикса в отглагольном имени [Коребнŭ ESSJ I:160]. Эти характеристики обосновывают включение в 41-й выпуск ЭССЯ словарную позицию **paǰezь* в качестве праславянского диалектизма.

В связи с реконструкцией праслав. **paǰezь* как праславянского диалектизма русского языка встает вопрос о его хронологическом соотношении с однокоренными вариантными диалектизмами **pa(j/v)ǰzь / *pavǰza / *paveza*: продолжением **pa(v)ǰzь* является польск. *rawaz* ‘шест, которым прижимают снопы, сено, солому на возу; шест для переноски тяжестей’, **pavǰza* — чеш. *paviza* ‘толстое бревно, которым прижимают высокую поклажу на возу’, **paveza* — чеш. *paveza* то же, **paǰzь* — русск. *пáюс* ‘икряной мешочек рыбы’ [ЭССЯ 40: 219–220]. Из этих форм почти очевидна вторичность чеш. *paveza* (вероятно, позднее воспроизведение модели или даже преобразование древнего чеш. *paviza*). Остается проблема соотношения форм с **-vǰz-* / **-ǰez-* / **-ǰz-*. При обоснованности реконструкции всех трех форм для хронологического уровня конца праславянского состояния (на который и ориентируются современные опыты реконструкции праславянского лексического фонда [ЭССЯ и SP]) очевидно, что если формы **-vǰz-* и **-ǰez-* как соответствующие регулярному распределению протез перед начальными гласными корня могут быть синхронными образованиями раннепраславянского периода (см. особенно рефлекс чередования корневого гласного в **-vǰz-*), то структура **-ǰz-* с нарушением этой регулярности должна толковаться как образование более позднее.

Очевидна возможность одновременного возникновения праславянских образований, структурные характеристики и региональная ограниченность фиксации которых позволяет квалифицировать их как праславянские диалектизмы. Подобная квалификация необходима для суждения о диалектном состоянии праславянского языка в разные периоды его истории, учитывая ее протяженность (определяемую в пределах от 1,5 до 2,5 тысячелетий).

Особенно очевидной становится необходимость пристального внимания к генетическим и хронологическим характеристикам гапаксов как потенциальным производящим основам этимологически трудных праславянских лексем. Такой представляется ситуация относительно польск. диал. *patać* ‘махать, трепетать крыльями’ [Śl. gw. pol. IV: 55; Warsz. IV: 85]. До сих пор этот глагол не интересовал этимологов-славистов. Разумеется, смущает его языковая ограниченность. Нельзя, однако, пренебречь возможностью сопоставления его (и, соответственно, родством) с гнездом и.-е. **pet-* / **petā-* / **ptē-* /

**ptō-* ‘рушиться, стремиться, лететь, падать’, к которому возводятся, например, др.-инд. *pātati* ‘летать, стремиться’, авест. *pataiti* ‘лететь, спешить’, греч. гомер. *πέτομαι* ‘лететь’, лат. *petō* ‘устремляться’; отсюда производятся названия перьев: др.-инд. *pāttra* ‘перо’, др.-в.-нем. *fedara* ‘перо’, греч. *πτερόν* ‘перо’, а также названия птиц: др.-кипр. *eterin* ‘птица’, вторая основа сложного лат. *acci-piter* ‘сокол’ [Rokorny I: 825–826]. Очевидно, польский диалектизм нельзя игнорировать, пока не доказано его звукоподражательное (или иное позднее) происхождение, поэтому он учтен в ЭССЯ 41 как праславянский диалектизм польского языка с потенциальным и.-е родством. Этот глагол тем более интересен, что предоставляет возможность объяснить происхождение этимологически трудного названия некоторых птиц — слав. *pata.

Праслав. *pata / *patъ реконструируется на основе сербохорв. *pāta* увеличит. к *patka* ‘утка’, в.-луж. *pata* ‘наседка’ и зоол. ‘сорочий сорокопут’, н.-луж. *pata* ‘наседка, клуша’ (при диал. (зап.) ‘название одного вида грибов’, (район Коттбуса) ‘о любом большом грибе’) и болг. диал. *pat* ‘селезень’; к ним примыкают производные болг. *patka* ‘утка’, обл. ‘гусыня’, диал. *patka* ‘гусь (как название вида); гусыня’, *patъkъ* ‘гусыня’, ‘домашняя птица утка’, ‘гусыня; (перен.) глупая женщина’, ‘гусыня; (презр.) тугодум; (дет.) слабый в учении’, *patuца* ‘птица Апас’, макед. диал. *patuца* ‘утка’, болг. *patъp* ‘гусь’ [ЭССЯ 41]. История этимологических исследований этого слова представляет несколько версий. Толкование в качестве варианта праслав. **ptъ-* ‘птица’ [см. Младенов ЕПР 414, Schuster-Šewc. *Histor.-etym. Wb.* 14: 1051] предполагает различные нерегулярные преобразования (ср. также вторую часть сложения *куропатка* как возможный результат подобного преобразования, однако здесь вероятно южнославянское влияние — см. ст.-русск.-цслав. *patka* ‘утка’). Фонетически близкими словами в балканских языках (алб. *pat* ‘гусыня’) и других и.-е. и не-и.-е. языках обосновывали версию балканизма [Skok II: 619], которая не учитывает фиксацию слова в лужицких языках. Постоянно повторяется версия звукоподражательного происхождения [Skok II: 619 — производность от подзывных слов для птиц в болг. и серб.; БЕР 5: 89; Младенов ЕПР: 414 в статье *patъ* упомянул подзывные междометия *patъ-patъ*], однако известна модель образования подзывных междометий от названий животных [Азарх 1977: 233]. Последняя по времени версия: сближение с болг. *nача* ‘нога человека’, макед. и болг. *nачунка* ‘копыто’ (восходящим к тур. *paça* ‘блюдо из овечьих или свиных ног; штанина’, которые возводятся к перс. *pa-* ‘нога’) является базой для гипотезы о мотивационной модели ‘птица с широкими лапами (характерными для водоплавающих)’ [Белова 2015: 64–65], но ср. значение ‘наседка’ в лужицких языках. Уязвимость всех упомянутых версий (более подробно все версии и их анализ см. в ЭССЯ 41) оставляет пер-

спективу поисков других толкований происхождения праслав. **pata* / **patъ*. Представляется полезным учесть возможность производности этого слова от рассмотренного выше праслав. **patati* ‘махать крыльями’, что и предложено в [ЭССЯ 41]. Следует отметить близость языков, представляющих фиксацию **patati* — польского и одну из фиксаций **pata* — лужицких. Таким образом, по предлагаемой версии, реконструированный праславянский диалектизм **patati* оказывается связующим звеном между праслав. **pata* / **patъ* и и.-е. **pet-* / **petə-* / **ptē-* / **ptō-* ‘рушиться, стремиться, лететь, падать’.

Два рассмотренных случая реконструкции праславянских диалектизмов на базе гапаксов отдельных славянских языков, при всей возможности сомнений и критики, предлагается рассматривать как повод для пристального внимания к категории гапаксов отдельных славянских языков в качестве резерва реконструкции праславянского лексического фонда (причем вполне допустимо — как праславянских диалектизмов).

Литература

- Азарх 1977 — Азарх Ю. С. Подзывные слова для коров и лошадей в русских говорах // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977.
- Белова 2015 — Белова М. Н. Птица *патица* в болгарском языке // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. IV. Этимология. М., 2015. С. 59–69.
- БЕР — Български етимологичен речник / Сост. В. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев и др. Т. 1–7. — София, 1962–2010.
- Варбот 1991 — Варбот Ж. Ж. Словообразовательно-этимологические комментарии к некоторым русским диалектизмам (на материале «Словаря русских донских говоров») // Современные русские говоры. М., 1991. С. 169–171.
- Вендина 2014 — Вендина Т. И. Типология лексических ареалов Славии. М., 2014.
- Даль² — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. Изд. 2. Спб. — М., 1880 (= 1955).
- Младенов ЕПР — Младенов С. Етимологически и правописен речник на български книжовен език. София, 1941.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–23), Ф. П. Сороколетов (вып. 24–46), С. А. Мызников (вып. 47–49). СПб, 1966–2016.
- Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. Т. I–IV. М., 1964–1973 (=1986–1987, 1996).
- Фурлан 2015 — Фурлан М. Праиндоевропейский корень **H₂mǵʰ-* ‘вязать’ в славянских языках. К проблеме происхождения в плане относительной

- хронологии славянских отношений *qz- : *(ц)ęz-‘вязать’ // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Вып. IV. Этимология. М., 2015. С. 333–363.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–31), О. Н. Трубачева и А. Ф. Журавлева (вып. 32), А. Ф. Журавлева (вып. 33–39), А. Ф. Журавлева и Ж. Ж. Варбот (вып. 40), Ж. Ж. Варбот (вып. 41 в печати). М., 1974–2015–.
- Kopečný ESSJ — *Kopečný F.* Etymologický slovník slovanských jazyků. Sv. 1–2. Praha. 1973, 1980.
- Pokorny — *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Bern, 1949–1959.
- Popowska-Taborska 1993 — *Popowska-Taborska H.* Wczesne dzieje Słowian w świetle ich języka. Warszawa, 1993.
- Schuster-Šewc. Hist.-etym. Wb — *Schuster-Šewc H.* Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprachen. Bd. I–IV (Lief. 1–24). Bautzen, 1978–1989.
- Skok — *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srbskoga jezika. Knj. I–IV. Zagreb, 1971–1974.
- Sł. gw. pol. — *Karłowicz J.* Słownik gwar polskich. T. I–VI. Kraków, 1900–1911.
- SP — Słownik prasłowiański / Pod red. F. Sławskiego. T. I–VIII–. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1974–2001–.
- Vaillant. Gr. compar. III — *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. T. III. Paris, 1966.
- Warsz. — *Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W.* Słownik języka polskiego. T. I–VIII. Warszawa etc., 1952–1953 (=1904–1927).